

Ю. И. Литвиновская, И. А. Литвиновский

**ПЕРЕПИСКА ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ
У. ЧЕРЧИЛЛЯ С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР
И. СТАЛИНЫМ В ПЕРИОД КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

Нападение гитлеровской Германии на СССР и как результат вступление Советского Союза во Вторую мировую войну имело решающее значение для изменения характера всей войны. Она становится справедливой, освободительной для всех стран, независимо от особенностей их общественно-политического строя, которые вступили в борьбу с гитлеровской Германией и ее сателлитами. Учитывая авторитет и роль СССР в мировом коммунистическом движении, нападение Германии на Советский Союз способствовало развертыванию сопротивления на европейском континенте, активизации борьбы против сторонников гитлеризма в других регионах мира, укреплению международных позиций СССР. Достаточно сказать, что уже на первом этапе Великой Отечественной войны, с июня 1941 г. по ноябрь 1942 г., войну нацистской Германии объявили 16 государств, а 10 стран порвали с ней дипломатические отношения [1, с. 60].

Особенно важное значение имело укрепление политических, экономических связей, тесное военное взаимодействие между ведущими членами складывающейся антигитлеровской коалиции – СССР, Великобританией и Соединенными Штатами Америки. Правительство Великобритании с первых дней войны заявило о своей заинтересованности в тесном сотрудниче-

стве с СССР и готовности к нему. Позиции Советского Союза и Соединенного Королевства нашли свое отражение сначала в подписанном 12 июля 1941 г. англо-советском Соглашении о совместных действиях в войне против Германии, а затем в союзном договоре на время войны и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны от 26 мая 1942 г. [2, с. 131, 270].

Между руководителями СССР и Великобритании И. Сталиным и У. Черчиллем с 8 июля 1941 г. был налажен регулярный обмен посланиями, в которых обсуждались наиболее важные вопросы, возникавшие в ходе войны. Можно с уверенностью сказать, что наиболее актуальными и приоритетными, и это нашло отражение в переписке, были вопросы военных поставок в СССР и впервые поднятый И. Сталиным в послании У. Черчиллю от 18 июля 1941 г. вопрос об открытии второго фронта на Западе Европы, в Северной Франции и на Севере, в Арктике [3, с. 19].

Но если проблемы поставок, хотя и через преодоление массы препятствий, все же как-то решались, то с открытием второго фронта было намного сложнее. Вопрос упирался в стратегию ведения войны. Для руководства Великобритании первостепенная задача состояла в сохранении и укреплении позиций Британской империи, а потому и свои основные военные усилия Лондон прилагал на Ближнем и Среднем Востоке и в Северной Африке, чтобы воспрепятствовать проникновению и закреплению на этих территориях немецких и итальянских конкурентов. Вопрос же о втором фронте в Европе не являлся для них столь важным, как для СССР, что советское руководство систематически подчеркивало. Отвечая, например, 3 октября 1942 г. на вопрос корреспондента американского агентства Ассошиэйтед Пресс в Москве г. Кэссиди, какое место в советской оценке текущего положения занимает проблема второго фронта, И. Сталин ответил: «Очень важное, – можно сказать, – первостепенное место» [3, с. 69].

Не менее значимой оставалась и материально-техническая поддержка Советского Союза. Конвой PQ-17 в июле 1942 г. вызвал серьезную обеспокоенность в соответствующих морских ведомствах наших союзников. Особенно опасными были летние дневные переходы, когда в высоких широтах солнце почти не заходит и ночь превращается всего лишь в короткие сумерки. В той ситуации президент США Ф. Рузвельт высказал предложение, чтобы очередной конвой PQ-19 был отправлен небольшими группами с интервалом в один-два дня [4, с. 44]. Руководство военно-морскими силами Великобритании эту идею рассматривало и раньше, но не поддержало ее. В новых условиях адмиралтейство склонилось к тому, чтобы разрешить отдельным судам отправляться в подобное плавание, но на их собственный страх и риск. Рузвельт согласился на этот вариант [4, с. 44–45].

Однако, несмотря на крупные потери, 27 июля У. Черчилль распорядился подготовить к отправке в сентябре новый конвой. Он отправился в путь 2 сентября. 53 транспортных судна охраняли 77 боевых кораблей. Но в результате удара немецких торпедоносцев конвой потерял 13 транспортов, на борту которых находилось 38 самолетов, 126 танков и 85 грузовых автомобилей [4, с. 44].

Большие потери следующего после PQ-17 конвоя вызвал серьезную обеспокоенность в Лондоне. Вопрос обсуждался на самом высоком правительственном уровне. И 21 сентября премьер-министр и комитет начальников штабов приняли решение приостановить отправку конвоев до января 1943 года. На это решение повлияла также и принятая по предложению генерала Д. Эйзенхауэра, командующего союзными войсками в Северной Африке, дата проведения операции «Факел».

Для подготовки этой операции требовалось использование максимально большого количества боевых и транспортных судов. По расчетам специалистов, отправка в СССР в это время хотя бы одного конвоя повлекла бы за собой отсрочку начала операции «Факел» самое малое на три недели. За это время могла испортиться погода либо произойти утечка информации о готовящейся операции. Британский комитет начальников штабов на этот риск идти не захотел, и военный кабинет У. Черчилля, как было сказано выше, решил приостановить отправку военных грузов в СССР. У. Черчилль писал Ф. Рузвельту по этому поводу: «В целом, меня тревожит положение в России, и я не знаю, как мы можем не отправить в Россию конвоев до 1943 года ... и отказываться от вторжения в Европу весной, летом и даже осенью, не ущемляя своей совести и собственных интересов» [4, с. 44].

Рузвельт не поддержал предложения Черчилля о десантировании союзников в Европу в 1943 году. Одновременно он высказал пожелание, чтобы следующий конвой PQ-19 был отправлен небольшими группами, с интервалом один-два дня между ними. В результате за последние три месяца 1942 г. 13 транспортов отправились самостоятельно к берегам Советского Союза, из которых до места назначения добрались только 5 [4, с. 44].

Победы, достигнутые Красной армией в Сталинградском сражении, а также англо-американскими войсками в Северной Африке, способствовали активизации и межсоюзнических отношений. 20 декабря 1942 г. новый конвой союзных транспортов в составе 30 кораблей покинул Исландию и без потерь прибыл в советские порты несмотря на попытку крупных сил немецкого флота уничтожить его в канун Нового года [4, с. 45].

В наиболее трудный период Великой Отечественной войны, в 1941–1942 гг., а конвои в СССР начали отправляться после 1 октября 1941 г., как свидетельствует в своих мемуарах У. Черчилль, было отправлено 283 транспорта – 124 английских и 159 американских. Из них к месту назначения в Мурманск и Архангельск благополучно прибыло 219 кораблей – 77 процентов их общего числа. Несмотря на значительные потери, постоянную нехватку транспортных средств и военных кораблей, а здесь уместно сказать, что флот обеспечивал успешность военных действий англо-американских войск на всех направлениях их борьбы в годы Второй мировой войны, не говоря уже о том, что от флота зависело все жизнеобеспечение Британских островов, союзники считали необходимым оказывать материальную поддержку СССР. Специфика же арктических конвоев состояла в том, что для их сопровождения требовалось военных кораблей в два раза больше, чем транспортных.

Негативно на поставках в Советский Союз сказалась усилившаяся с марта 1943 г. напряженность в битве за Атлантику. Она привела к острой нехватке эскортных судов. В переписке с Рузвельтом Черчилль сообщал: «Напряженность для британского флота становится невыносимым». Было принято совместное решение о приостановке отправки конвоев до осени. 30 марта Черчилль сообщил об этом Сталину [3, с. 132–133].

После стабилизации ситуации на океанских просторах, с 1943 г., как отмечал советский посол в Лондоне И. Майский, проведение северных конвоев стало постепенно облегчаться, а в 1944 г. перестало быть серьезной проблемой [5, с. 645]. К тому же в декабре 1943 г. англичане добились крупного успеха в сопровождении транспортных судов. 27 декабря У. Черчилль сообщил Сталину: «Арктические конвои в Россию принесли нам удачу. Вчера враг пытался преградить путь при помощи линкора «Шарнгорст». Главнокомандующий адмирал Фрэнсис с герцогом Йоркским (линкором водоизмещением 35 000 тонн) отрезал «Шарнгорсту» путь к отступлению и после боя потопил его» [3, с. 215].

Широкий круг вопросов, касающихся хода Второй мировой войны, ситуации на отдельных ее направлениях, руководители США и Великобритании обсудили на встрече в Касабланке (Северная Африка), которая проходила в период с 14 по 24 января 1943 г. Рузвельт и Черчилль встретились в регионе, где в тот момент осуществлялась под руководством генерала Д. Эйзенхауэра начавшаяся 8 ноября 1942 г. операция «Факел», одна из крупнейших операций англо-американских войск в годы войны.

Вторжение союзников в Северную Африку являлось серьезным успехом стран антигитлеровской коалиции. Разгром немецких и итальянских войск способствовал укреплению позиций союзников в районе Средиземноморья. Что же касается вопроса о встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля, то он возник еще в начале 1942 г. Инициатива исходила из Вашингтона. Суть предложения Ф. Рузвельта заключалась в том, чтобы лидеры трех держав – СССР, США и Великобритании – встретились для обсуждения важнейших вопросов войны и послевоенного мироустройства. У. Черчилль идею поддержал. Сталин отказался, ссылаясь на напряженную ситуацию на фронте. Такой же отказ последовал и на повторное предложение Рузвельта перенести встречу на 1 марта 1943 г.

Характеризуя позицию Сталина в отношении встречи, следует отметить, что отказ советского руководителя со ссылкой на напряженную ситуацию на фронте был абсолютно правомерным, но в то же время нельзя не подчеркнуть, что само предложение встречи в Касабланке было нереалистичным. Учитывая логистические возможности Советского Союза того времени, условия войны, добраться до этого города на западе Африки было невозможно без огромного риска. И неслучайно в этой ситуации И. Сталин вместо личной встречи предложил переписку [5, с. 669–670].

В итоге в Касабланке встретились Ф. Рузвельт и У. Черчилль. На обстановку в которой проходило это мероприятие, сильнейшее воздействие оказали итоги зимних сражений Красной армии и, в частности, победа в Сталинградской битве, которая близилась к завершению. Успехи Красной армии не могли не вызвать у участников встречи в Касабланке уверенности в неизбежности разгрома Германии. Эти мысли нашли свое отражение и в одной из записок Черчилля: «Важные события последнего времени изменили и продолжают изменять те предпосылки, из которых исходили стратегии по обе стороны Атлантики, – писал он 3 декабря 1942 г. – Русские не были разбиты или ослаблены на протяжении кампании 1942 г. Напротив, разбит был Гитлер, а германская армия понесла тяжелые потери...» [5, с. 670].

Ситуацию, которая сложилась на полях боевых действий в Европе, собравшиеся в Касабланке лидеры США и Великобритании расценили как благоприятную для того, чтобы сосредоточить свои главные военные усилия не на Западе Европы, где они оказали бы максимальную помощь Советскому Союзу, а в районе Средиземного моря, которому они отдавали предпочтение в своих военно-политических устремлениях, что и нашло свое отражение в решениях, принятых в Касабланке.

В апреле 1943 г. серьезную озабоченность руководителей союзных держав вызвал польский вопрос. Он был поднят в послании Сталина У. Черчиллю от 21 апреля. Глава советского правительства был возмущен тем, что располагавшееся в Лондоне польское эмигрантское правительство, возглавляемое генералом Сикорским, подхватило распространявшееся гитлеровской пропагандой утверждение об ответственности Советского Союза за убитых в районе Смоленска офицеров польской армии. Несмотря на позицию У. Черчилля не торопиться с окончательными выводами, проявить сдержанность и «оставить мысль о каком-либо перерыве отношений», И. Сталин оставался непреклонным. «Советское правительство пришло к выводу о необходимости прервать отношения с этим правительством», – ответил он британскому премьер-министру [3, с. 146, 148].

Одним из наиболее жгучих вопросов межсоюзнических отношений в годы Великой Отечественной войны был вопрос о втором фронте – масштабном вторжении английских и американских войск в Западную Европу путем их десантирования в Северной Франции. Первоначально операция планировалась на 1942 год, затем ее хотели провести в 1943 году. 4 июня 1943 г. Сталин получил послание президента США Ф. Рузвельта. Его доставил американский посол в Москве адмирал Стэнли. В нем было сказано, что в мае 1943 г. на совместной встрече Ф. Рузвельта и У. Черчилля ими было принято решение отложить открытие второго фронта в Западной Европе до весны 1944 г. [3, с. 158–159]. Небезынтересно отметить, что, как писал в своих мемуарах У. Черчилль, он еще вскоре после нападения Японии на Соединенные Штаты, а точнее 18 декабря 1941 г., в особом меморандуме, излагая свой план ведения войны и участия в ней Великобритании и США, рассматривал возможность союзников нанесения ударов по врагу в Северной Франции не раньше лета 1943 г. [5, с. 615–616].

Понимая, что майское решение союзников вызвало в Москве крайнее раздражение, У. Черчилль попытался его несколько смягчить своим посланием от 19 июня. «Я полностью понимаю Ваше разочарование, – писал он, – но я уверен, что мы предпринимаем действия, которые являются не только правильными, но и единственно физически возможными в данных обстоятельствах». Он заверял Сталина, что десантирование англо-американских войск через пролив в более ранние сроки без должного накопления сил и средств вылилось бы в губительное наступление [3, с. 160].

Подвергая сомнению аргументы Черчилля, Сталин в ответном послании от 24 июня резонно замечает: «Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину» [3, с. 167].

22 августа 1943 г. в послании, адресованном Ф. Рузвельту и У. Черчиллю, И. Сталин, пожалуй, впервые за годы войны весьма остро поставил вопрос о принципах согласования и принятия решений союзниками. В данном случае вопрос касался выработки условий капитуляции Италии, но советский руководитель имел в виду практику общения между лидерами государств антигитлеровской коалиции в целом, по всем вопросам, ибо все они затрагивали интересы Советского Союза, а стало быть следовало учитывать точку зрения Москвы. «Я считаю, – писал Сталин, – что назрело время для того, чтобы создать военно-политическую комиссию из представителей трех стран – США, Великобритании и СССР – для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии. До сих пор дело обстояло так, что США и Англия сговариваются, а СССР получал информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдающего. Должен Вам сказать, что терпеть дальше такое положение невозможно. Я предлагаю эту комиссию создать и определить ее местопребывание на первое время в Сицилии» [3, с. 169].

Оценивая сказанное в послании, следует иметь в виду ту военно-политическую обстановку на советско-германском фронте, в условиях которой появился этот документ. Завершалось Курское сражение, положившее крах надеждам Гитлера на изменение характера войны. Фронт неумолимо двигался на Запад. Финиш этого движения был всем понятен, неизбежен и являлся только лишь вопросом времени. Летние победы Красной армии закрепили результаты коренного перелома в войне, сделали его необратимым.

Вместе с тем англо-американские войска в мае 1943 г. завершили разгром итало-германских армий в Тунисе. Закончились военные действия в Северной Африке. Возникли благоприятные условия для развития военных действий на Юге Европы. 8 сентября 1943 г. было объявлено о капитуляции Италии. 13 октября она объявила войну Германии. Начался процесс распада фашистского блока [6, с. 344–345].

Назрела необходимость личной встречи руководителей союзных держав. Этот вопрос обсуждался в их переписке с июля 1943 г. Американский президент в качестве места встречи предложил Фербенкс, город на Аляске, вблизи границ СССР и США; Черчилль – Скапа-Флоу, главную военноморскую базу Великобритании. И. Сталина эти предложения не устраивали в силу отдаленности от советско-германского фронта и, как результат, отсутствия его возможности постоянно держать руку на пульсе событий. К тому же появилась необходимость тесной увязки встречи лидеров коалиции с конференцией министров иностранных дел, которая бы предшествовала встрече глав правительств и подготовила для нее свои заключения по выносимым на обсуждение вопросам. В послании У. Черчиллю от 8 сентября Сталин предложил Москву для встречи глав внешнеполитических ведомств, а Иран – для руководителей государств [3, с. 189].

Весьма логичной и значимой накануне таких важных для хода и исхода Великой Отечественной войны событий, как конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании и встреча руководителей союзных держав, была инициатива У. Черчилля, суть которой была изложена в послании И. Сталину от 13 октября 1943 г. Это было предложение обнародования за подписями Рузвельта, Сталина и Черчилля специальной декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства. В предложенном У. Черчиллем тексте документа было сказано, что по окончании военных действий все немецкие военнослужащие, принимавшие участие в зверствах, убийствах и казнях, будут преданы суду тех стран и народов, где они совершили свои злодеяния [3, с. 207–209].

Обмен посланиями между Председателем Совета Министров СССР И. Сталиным и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем в период коренного перелома в Великой Отечественной войне способствовал согласованию позиций по проблемным вопросам, объединению усилий ведущих государств антигитлеровской коалиции и координации их действий в борьбе против агрессии гитлеровской Германии и ее сателлитов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Летопись внешней политики СССР. – М. : Политиздат, 1978. – 367 с.
2. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. – М. : Политиздат, 1946. – Т. 1. – 803 с.
3. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. – М. : Политиздат, 1976. – Т. 1: Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). – 472 с.
4. *Говард, М.* Большая стратегия / М. Говард. – М. : Воениздат, 1980. – 464 с.
5. *Майский, И. М.* Воспоминания советского дипломата (1925–1945 гг.) / И. М. Майский. – М. : Наука, 1971. – 711 с.
6. Вторая Мировая война. Краткая история. – М.: Наука, 1984. – 591 с.